

II. АРХИВ

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

ЭГОЛОГИЧЕСКАЯ И ГИЛЕТИЧЕСКАЯ ВРЕМЕННОСТЬ В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

№ 14

Мой поток переживаний и Я

§ 1. <Редукция к временности исходной,
НЕЭГОЛОГИЧЕСКОЙ СЕНСУАЛЬНОСТИ [SENSUALITÄT]>

Если в феноменологической редукции к потоку сознания я рассматриваю все Мое, все что мне дано в самом широком смысле (от себя-самого я хочу теперь отвлечься), то я обнаруживаю мой «поток переживаний». Точнее говоря, я обнаруживаю «живое», и в этой живости с необходимостью подвижное «настоящее», т. е. мое субъективное настоящее, с его структурой прото-присутствия и «горизонтом» только что бывшего и будущего. Я могу проникнуть в этот горизонт и с «очевидностью» схватываю непрерывность таких субъективных [моментов] настоящего, бесконечной непрерывности прошлого и неопределенной, но лежащей в сфере пред-видимого, «грядущей» непрерывности. Если я обращаю внимание на точки прото-присутствия, то они образуют текущий континуум, обладающий устойчивой формой, формой им-

---

* Перевод выполнен по изданию: Husserliana: Edmund Husserl Gesammelte Werke, Bd. XXXIII. Die “Bernauer Manuskripte” über das Zeitbewußtsein (1917/18) / hrsg. von Rudolf Bernet; Dieter Lohmar. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (Springer-Verlag), 2001. P. 274-288. — *Прим. пер.*

Печатается с любезного разрешения издательства Springer Science+Business Media B.V.

манентного времени. Если теперь я вместе с тем обращаю внимание на непрерывность полных моментов настоящего, то я обнаруживаю, что к каждой точке имманентного времени (соотв. к каждому прото-присутствию, которое к нему относится и объективировано в форме времени (идентифицируемо в повторенных воспроизведениях)) относится всякий раз объективированное полное присутствие. [Это полное присутствие] лежит в имманентном времени прото-присутствия только в соответствии с его точками прото-присутствия. Но одновременно горизонт, всякий раз окружающий точку прото-присутствия, «соотносится» с отрезком имманентного времени: интенционально.

Если мы, однако, рассмотрим эту континуальность [моментов] живого настоящего (одну [непрерывность] <в качестве> моментальной и неудержимой в качестве актуальной, все другие <в качестве> прошедших), то они образуют как раз, как уже было сказано, «объективный», вновь и вновь идентифицируемый состав. И мы должны вновь сказать: взятое в этой идентичности — всякое <настоящее> было тем идентичным, которое интенционально изображалось в несметном числе «прошлых» — они находятся в устойчивой имманентной временной форме, которую, прежде всего, стоит отличить от только что выявленной временной формы, но в «совмещении [Deckung]» с ней. Так мы уже видели это: каждая точка прото-присутствия в каждом полном настоящем определяет точку времени прото-присутствий и, с другой стороны, является фокусной точкой неотделимого от нее горизонта и вместе с этим горизонтом вновь является одной точкой, определяет одну точку полного времени присутствий.

Здесь перед нами вновь проблема бесконечного регресса (ср., если я правильно помню, более ранние отличающиеся изложения). Не является ли каждое полное присутствие, если я смотрю на него, центром горизонта, и только потому, что я в него проникаю, передо мной все же оказывается последовательность прошедших более ранних полных присутствий.

Не будем здесь в это углубляться. В любом случае, перед нами разные имманентные временные порядки, один из которых с необходимостью является первым, формой временного сущего, которое в своем бытийном содержании не несет ничего от той интенциональности, посредством которой конституируется временное бытие в качестве временного.

Далее, с необходимостью мы приобретаем Первое, когда мы включаем в рассмотрение иные модусы интенциональной конституции, ко-

торые естественно несут с собой конституцию времени: имманентное временное положение данных ощущений — имманентный временной ряд протекающих аспектов — временной ряд изменений фантома — временной ряд вещи; таким образом, в двойном смысле первый, наиболее радикальный порядок ощущений.

Мы осуществили феноменологическую редукцию в направлении, проложенном от меня. При этом мы отключаем «мир».

а) Теперь мы хотим полностью сознательно провести редукцию некого рода, которую мы уже и так проводили, но отчетливо не обозначали ее в качестве таковой: редукцию к «исходной сенсуальности». А именно, когда мы приобретаем посредством феноменологической редукции сферу чистой субъективности, то становится явным, что следует различать нечто двоякое. Редукция, которую мы имеем в виду и которая выявляет для нас априорную необходимую структуру, это абстракция по отношению к Я и ко всему эгологическому — разумеется, лишь абстракция, но при этом достаточно важная. В таком случае в первом имманентном временном порядке мы имеем данные ощущений и чувства. Чувственные влечения это аффекты, направленные к Я, и пассивные склонности Я, также «чувственные» реализации, «действия влечений» являются пассивными реакциями, а будучи пассивными, ничто в них не исходит из Я, [в них нет ничего, что] проистекало бы из него самого в качестве *actus*. Таким образом, это сфера «раздражений» и реакций на раздражения: раздражимость. Но и это мы <также> хотим отключить, поскольку это вводит в игру Я. А именно от этой области мы отличаем полностью «неэгологические» чувственные тенденции: чувственные тенденции ассоциации и репродукции, и определенные посредством их горизонтные образования. Вопрос <состоит в том,> как с этим обстоят дела уже в случае исходного сознания времени. Пассивная интенциональность. Здесь также Я как полюс аффектаций и реакций мысленно выводится из игры, или, скорее, мы от него абстрагируемся. Тогда таким образом перед нами первая, «абстрактно» выделяемая структура, структура пассивности исходной сенсуальности.

б) Затем мы начинаем рассматривать Я и Я-поляризацию. И притом в качестве первого Нового возникает раздражимость, сфера аффектаций и реакций, которая, конечно, предполагает первый уровень.

с) И затем в качестве третьего уровня (предполагающего все предшествующие) сфера *intellectus agens*. И все же прежде нам следует вновь различить: есть различные виды эгологической вовлеченности как во-

влеченности бодрствующего Я. «Внимание». Я как внимательное, является бодрствующим в отношении чего-то особенного, направлено на него, направлено как полюс Я к интенциональному полюсу, к противоположному полюсу, к предмету, в различных модусах схватывая, чувствуя, добываясь чего-то, желая.

Здесь требуется теория внимания, бодрствования и отделение слов пассивности в бодрствовании, инертности [des Nachgebens]; с другой стороны, спонтанность в строгом смысле, осуществление специфических актов Я. В поток переживаний вступают новые уровни, или мы, принимая во внимание полюс Я, включаем в рассмотрение новые слои, которые конечно обладают имманентным временным порядком, переживания Я, которые не являются чем-то отдельным от рассмотренного неэгологически (с той оговоркой, что мы здесь для определенных сфер впервые считаем некоторые исследования необходимыми), а обозначают новые структуры, но в равной мере указывают и на модификации старых структур. В таком случае здесь имеют место функциональные преобразования посредством зависимости.¹

§ 2. <Тождественное, непредметно сущее и невременное Я
как функционирующий полюс (прото-состояние [Urstand])
потока переживаний>

Таким способом мы попытались сконструировать универсальную область имманентного времени или имманентных «накладывающихся» друг на друга временных порядков. Казалось, что при этом мы [перечислили] все субъективное, что мы имеем — и что мы определенным образом «имеем» — и все-таки еще не все; то чем мы обладаем, это как раз сущее, временное, но не все субъективное является временным, является индивидуальным в смысле индивидуализированного посредством зани-

---

¹ Также в явной форме следует сказать об онтическом как подразумеваемом и об «имманентном» времени этого подразумеваемого онтического как такового, которое таким образом само является субъективным, что образует онтически-субъективное время, которое перекрывается со временем данных ощущений, со временем модусов явления и т. д.

Мы имеем в виду, конечно, не нечто вроде времени истинной природы, такого как «истинное» онт<ическое> время с его разнообразием, а напр. когда протекает последовательность восприятий природы, воспринятая природа, воспринятая предметность как таковая, как «подразумеваемая» и принадлежащая ей как воспринятое пространство, воспринятая фигура, так и воспринятое время и образ времени [Zeitgestalt].

маемой в тот или иной момент временной позиции. То, чем мы, прежде всего, обладаем [хотя и] не в потоке явлений, это само Я, тождественный центр, полюс, с которым соотнесено все содержание потока переживаний, Я, которое аффицировано тем или иным содержанием, и которое в силу этого, так или иначе взаимодействует с этим содержанием и так или иначе активно его формирует. Конечно, обо всем этом мы уже говорили и нашли для всего этого место в потоке переживаний (в его перекрывающемся и проникающем течении). Но теперь здесь стоит обсудить то, что Я как тождественный полюс для всех переживаний и для всего онтически заключенного в интенциональности переживаний (напр. подразумеваемая природа в качестве подразумеваемой) является полюсом для всех временных рядов и с необходимостью является «над»-временным, Я, для которого конституируется время, для которого в интенциональности сферы переживаний налицо временность, индивидуальная единичная предметность, но которое само не является временным. В этом смысле оно, таким образом, не является «сущим», а скорее представляет собой контраст [Gegenstück] по отношению ко всему сущему, не предмет, а скорее прото-состояние [Urstand] для всякой предметности. Я собственно не должно называться Я, и вообще как-либо называться, поскольку, таким образом, оно уже стало бы предметным.² Это безымянное выше всякого уловимого, не стоящее надо всем, не парящее, а «фунгирующее», как схватывающее, как оценивающее и т. д.³

И не стоит ли тогда сказать: то, что Я испытывает раздражения, реагирует на раздражения, тоже собственно не является временным, поскольку мы рассматриваем Я в качестве функционирующего? [И не стоит ли тогда сказать, что] уж тем более [не является временным] то, что Я занимает позицию, его активное поведение, поскольку это поведение в качестве поведения находится в Я или происходит из него? Но поскольку Я функционирует и активно обращает внимание на конституированное, обращается к нему, участвует в нем, то с необходимостью расширяется его временной состав, его «ноэватический» или какой бы то ни было субъективный состав, все время новый, сменяющийся со временем или относительно устойчивый.⁴ И этот состав, как имеющий свое проис-

² Относительно этого исключительно важного пассажа см.: *Примечания переводчика*, пункт II. — *Прим. пер.*

³ «Сущее» в качестве индивидуального сущего, связанное с временной позицией и посредством неё индивидуализированное. Я в таком случае не <есть> «сущее».

⁴ Все это нужно еще продумать с разных точек зрения. Это лежит почти на границе возможного описания.

хождение из функции Я, указывает рефлексии направление на функционирующее Я, которое как раз теперь в рефлексии становится предметным в качестве тождественного центра функционирования, как действующее во всех этих действиях. Но как может стать предметным, то, что не является предметом, как может стать уловимым, то, что является невременным, над-временным, а в выхватывании может быть обнаружено только в качестве временного? Теперь, по сути, дело обстоит так, что в потоке переживаний как раз и возникает и всегда вновь может возникнуть то, для чего характерно совсем другое становление, чем другое становление соразмерное переживанию, становление, которое дано не только как «нечто происходит» и всегда вновь может быть повторено в репродукции, а дано как «я делаю что-то», «я что-то претерпеваю». Или скорее прежде стоило бы сказать: дано <что-то>, обладающее раздражающим характером (раздражение, досаждающий свист) или характером «образования», исполнения и то, что отсылает теперь обратно к корреляту, к сосуществующему, которое лежит в новом измерении, а именно «я делаю это», «я осуществляю свершение», а там мы упираемся в полюс, в тождественное, которое само не является временным.

Мы сопоставили этот полюс Я с различными «предметными полюсами», интенциональными единствами и даже противопоставили их ему. Всякий предмет «конституируется» в качестве единства многообразия его «осознаний». О сознании можно говорить в разных значениях. Рассмотрим «интенциональные переживания», которые, сменяясь в их имманентном времени, «несут в себе» соответствующий предмет в качестве их интенционального единства. Здесь мы обнаруживаем напр. в непрерывном ряду восприятий подразумеваемый предмет в качестве того же самого, скажем постоянно видимой, красной грани с четырьмя углами, данной в ряду оттенков, в перспективе. И если ее больше не видно, то она, та же самая еще может присутствовать в «пустой» интенции. Содержится ли здесь подразумеваемое в этом ряду и в каждой его фазе реально [reel]? (Ответ — да, в качестве интенционального, в качестве подразумеваемого. И если мы наконец посмотрим на это, то перед нами временная непрерывность подразумеваемого как такового (его *esse* лежит в его *percipi*). Мне сразу кажется, что это было все-таки неверно, когда я неоднократно выражался в том смысле, как если бы «ноэма» не содержалась бы в переживании реально.) (Но это, кстати, нельзя так просто обозначить <как> ноэзис.) Здесь временным предметом является интенциональное, но также и интендирующее переживание, которое само в свою очередь есть «полюс», и все эти полюса находятся

в накладывающихся друг на друга временных рядах, а все эти временные ряды в единстве их наложения составляют процесс переживания в его полноте, поток переживаний.

А что, если мы теперь порассуждаем о Я в действии и примем сами действия Я в качестве переживаний? Я аффицировано, так сказать, наличным временным потоком и обращается к его содержаниям, участвует в них, и тут обращение является участием, конституированное в участии исполнение само в свою очередь оказывается переживанием.

А теперь найдем в исходящих из Я переживаниях в качестве нового напластовавшегося временного среза центральную точку, точку, в которой все в этом срезе центрировано, для всех временных предметов, которые соотнесены с Я, или с которыми оно по собственной инициативе «взаимодействовало». И как было сказано выше: прежде всего это то тождественное в модусах взаимодействия, в модусах отношения, которое само выступает нам навстречу в качестве переживания, и которое затем также может вступить в отношение к самому Я. На это, конечно, способны все предметы, и Я обозначает их центр отношений, поскольку как раз эта очевидность «я могу» сохраняется, в том числе и для предметов, которые еще не вошли в отношения к Я.

Здесь в бытийном порядке «потока сознания», потока переживаний, с параллельными ему, накладывающимися друг на друга временными рядами, я обладаю отдельными переживаниями формы *cogito* (равно как и обратными переживаниями аффицирования Я). Мы осуществляем воспроизведение, и по ходу дела говорим, [что] репродуцированные, вновь реактуализованные [*wiedervergegenwärtigten*] переживания разделены, а их Я одно и то же и тождественно. И все же каждое переживание дано, вот это, например, осознается в реактуализации, в качестве (прошлого) «я мыслю». Я является «устойчивым и пребывающим» Я, оно не возникает и не проходит, как это происходит с переживанием. Оно не является временным образом протяженным, то есть иным во всякой временной фазе и тем же только в том смысле как то, что именно изменяется, или же вообще в различных моментальных состояниях, которые являются все время иными и, в конечном счете, одинаковыми, тождественным в непрерывности. Оно является тождественным также и в прерывистости. Но здесь можно сказать, поток переживаний непрерывен, и также, там, где Я не вступает в отношения аффицирования или вообще в действие, оно все еще постоянно здесь, неотделимо от потока переживаний и только необходимо непрерывно длящееся, будучи для него сквозным. Но то, что длится, обладает в каждой фазе длитель-

ности новым содержанием, Я же не обладает во времени никаким содержанием, ничего иного и ничего тождественного, ничего «созерцаемого», воспринимаемого, доступного в опыте. Только аффицирования, только акты, вступившие во время, обладают своим содержанием и своей длительностью, и в каждой фазе длительности фазой своего содержания. Всякий акт имеет полюс, Я, которое не просто численно тождественно, а <обладает> тем же абсолютно тождественным смыслом Я во всех временных точках времени, которое для него налично, <и> [тождественным смыслом] переживаний, которые представляют собой их временные содержания. [Это Я] тождественно по своей форме, вновь и вновь временным образом «локализовано» в соответствии с его актами, его состояниями и все же оно не является действительно временным.

№ 15

<ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧИСТОГО Я>

§ 1. ЭЙДЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ДУШЕВНОЙ СФЕРЫ ВНУТРЕННЕГО [SEELISCHE INNERLICHKEIT] <ВРЕМЕННОЙ ПРОТО-ГЕНЕЗИС, Я И ГИЛЕ>

Всеобщая сущность, без которой немислима одна единая сфера внутреннего. Установка феноменологической редукции: возвращение к потоку чистых переживаний и чистому Я переживаний, к имманентному бытию, чей необходимой формой является «феноменологическое время». Но оттуда еще дальнейшее возвращение к исходному сознанию, конституирующему имманентную временную предметность.

Сущностная закономерность (эйдетическая структура) время-конституирующего сознания это в себе первая и наиболее глубокая закономерность генезиса сознания и одновременно генезис как изначальное конституирование предметностей. Здесь, однако, стоило также отметить: все, что может быть продемонстрировано в сфере внутреннего (в некоей сфере внутреннего вообще), должно противопоставляться Я как полюсу-субъекту модусов поведения [Verhaltensweisen], отнесенному посредством них ко всему иному имманентному, к его «окружению». Все же когда мы говорим «сфера внутреннего», все это может относиться к имманентным содержаниям, но может также относиться и к конституирующему сознанию. В первом случае форма имманентного времени является формой всех окружающих объектов, также как и фор-

мой модусов поведения Я, как втекающей в окружение, соотносящейся с ним (или как излучаемое ими в сторону Я аффицирование, излучаемое как раз в качестве аффицирующего раздражения). Само Я как субъект модусов поведения, как субъект, для которого налицо объекты, конституируется для себя самого в качестве временного с его модусами поведения. Модусы поведения <есть> рефлексивные предметности, которые предполагают нерефлексивные предметности (ощущений). Все, что для Я должно быть в состоянии являться непосредственным или рефлексивным, должно иметь форму времени, которая является прямо или рефлексивно постигаемой формой и в качестве формы, собственно, является двойственной: [формой] нерефлексивного и рефлексивного времени, при том, что обе формы «накладываются» одна на другую и конституируются в качестве единственного порядка, того, что доступно для я.

Нерефлексивное окружение необходимо. К неререфлексивному окружению с необходимостью относится гиле, и можем говорить об относящемся к необходимой сущностной форме сферы внутреннего гилетического окружении в качестве безусловной первой необходимости. Ни одна точка имманентного времени [невозможна] без этого первого объективного содержания, как и никакое Теперь в ориентированном имманентном времени без гилетического прото-впечатления, которое затем переходит в (ретенциальные и протенциальные) модификации необходимой, конституирующей имманентные временные предметы [Zeitgegenstände] жизни. Сюда же относятся и дальнейшие сущностные законы. Гилетические единства не могут быть точечными, это значит, они должны смыкаться в делящиеся временные предметы. Не только справедливо высказывание: «не бывает гилетически-пустых временных отрезков», но еще всякая гиле обладает своим качественным составом, и он не может прерываясь меняться от одной временной точки к другой. Прерывности возможны только на границах непрерывно наполненной качествами временной длительности и т. д.

Прото-генезис [Urgenesis] (как эйдетическая форма), форма конституирования имманентных временных предметов является основанием для всякого дальнейшего генезиса, и всякий генезис осуществляется в прото-форме время-конституирующего сознания, не только всякое сверх-гилетическое [über-hyletische] впечатление конституируется в качестве имманентных данных во времени, отталкиваясь от модусов поведения Я, но все, что вообще конституируется для Я в качестве предмета, делает это с необходимостью посредством феномена в рамках имманентного времени. И одновременно то, что вообще конститу-

ируется в качестве индивидуального, так, что в окружении не может быть дважды дано абсолютно тождественное (оригинально дано в опыте, воспринято), должно быть дано в качестве временного, даже если оно в качестве трансцендентно временного не представляет собой имманентные данные, т. е. в трансцендентном времени, которое изображается в наложении феноменов имманентного времени. Время изображающего феномена должно изображать время изображенного.⁵

И все же мы здесь чересчур забежали вперед. Конституирование времени приводит, прежде всего, к непосредственно созерцаемому временному отрезку. Но конституирование самого времени и его наполняющего окружения предполагает для Я репродукцию и свободу возможностей посредством репродуцирования проникать во временной горизонт и «вновь» «ре»актуализовывать [*«Wieder»zu «ver»gegenwärtigen*] прошедшее, данное в форме воспоминания.

Проблема теперь в том, чтобы зафиксировать присущие репродукции и ассоциации сущностные законы и затем дальше исследовать присущие образованию апперцепций те или иные сущностные законы. Сфера внутреннего — это не только поток сознания с чистым Я; уже когда мы говорим о потоке сознания как о бесконечном феномене феноменов, мы уже предположили много такого, что должно быть эксплицитно зафиксировано в фундаментальных очевидностях. Я не просто обнаруживаю поток сознания, как если бы Я в качестве чисто воспринимающего Я было бы чисто схватывающим, которое схватывало бы поток, который просто течет, в известной степени в пустом созерцании и запечатлевало бы его в себе. Но не так, чтобы с одной стороны было течение, а с другой пустое созерцание течения, но течение и единство течения является интенциональным единством последовательности феноменов, последовательностью феноменов присутствия, которые обладают их конкретной структурой, и которые даны в сознании в постоянном изменении. И «Я может вернуться», вновь реактуализовать всякий отрезок изменения и всякую фазу, всякое присутствие и дать им перейти в дальнейшие изменения, что само является течением и проходит в форме времени, имеет свое присутствие и т. д.

Целью <является>: разработка сущностной формы сферы внутреннего или психического как развития (таким образом, эйдетически необходимого развития), в которой «понятым» образом параллельно

---

⁵ В оригинале: *Die Zeit des darstellenden Phänomens muss die Zeit des dargestellten darstellen.* — *Прим. пер.*

исходному чисто гилетическому окружению как первой имманентной временной объективности и развивалось бы снизу вверх присущее наиболее нижним уровням Я. Последнее относится к эмпирическому Я, который имеет перед собой трансцендентный объективный мир, мир, который одновременно является миром ценностей, благ, миром действия и объективным миром, включает в себя другие, соотнесенные с ним личные Я как телесно-душевные и т. д.

§ 2. Чистое Я и время. <Я КАК ВСЕВРЕМЕННОЙ ИНДИВИДУУМ
И ВТОРИЧНЫЙ ВРЕМЕННОЙ ПРЕДМЕТ>

Является ли Я cogito как гилетические данные и как любые другие предметы неким конституирующимся в сознании единством, то есть тоже данным [Datum] и в таком случае индивидуальным данным? Все, что относится к сфере внутреннего, — это действительное и возможное данное Я этой сферы внутреннего. Таким образом, всякий имманентный предмет находится в своеобразном отношении к такому исключительному предмету как Я, а оно и для самого себе является предметом. Я в новом cogito соотносится со старым cogito, и вновь в новом cogito может быть схвачено cogito второго уровня. При этом Я будет предметно, идентифицируемо в качестве того же самого во всех попадающих в поле зрения рефлексии уровнях. Рефлектирующее Я само становится предметом лишь посредством новой рефлексии, которая нерелективированно обладает Я в качестве субъекта, и всякая рефлексия будет видна в более высокой рефлексии как возникающая и продолжающаяся в имманентном времени.

При этом возникает Я как действующее во времени и сохраняется как сквозное действующее во всех отрезках деятельности времени. И Я отдельных cogito очевидным образом, как вновь показывает рефлексия, является тождественным в отождествлении. Рефлексия, однако, возможно обнаруживает темпорально до cogito отрезок аффицирования, раздражений некоей несхваченной предметности, направленных на Я, которое, таким образом, живет не только в cogito. Предметы имманентного времени заметны, но не замечены, <они есть> несхваченные предметы; и обращение, в котором Я переходит к схватыванию, само является заметным событием, которое при случае замечается ретроактивно. Каждое схватывание показывает схваченный предмет с горизонтом предшествующего, и тогда мы постоянно натываемся на несхваченное. Я не является непрерывно на протяжении всего имманентное

время схватывающим Я, и даже все время пока оно им является, всегда остается горизонт несхваченного. Несхваченное заметно в том смысле, что оно может быть замечено, может перейти в схватывание, притом, что все-таки не все несхваченное может рывком перейти в схватывание, отчего исчез бы горизонт.

То, что у меня холодные ноги, входит теперь в мое схватывание, но я отдаю себе отчет, что этот холод пронизывает достаточно широкий отрезок времени, он неоднократно давал о себе знать и теперь схвачен, а между тем, в течении длительного периода он был несхваченным, изменчивым образом заметным, а именно аффицирующим с изменяющейся силой, но он не достигал аффицирования; для аффективных тенденций (тяги, притяжения к Я, обращении к реагированию, я схватываю сам как заметный в рефлексии, и это не просто *façon de parler*⁶) возникает вопрос, являются ли они чем-то с необходимостью присущим к сфере фонового. Но не должны ли тогда тенденции также (как заметные) приносить с собой тенденции нового уровня, те в свою очередь вновь так *in infinitum*? Это здесь остается в качестве открытой проблемы.

Все, что возникает в прото-потоке сознания, привязанное к его формальным законам, помогает конституировать имманентное время, наполненное имманентными временными предметами. То, что вообще осознается предметно наполненное имманентное время, это формальная необходимость. Сами предметы, предметы с их определенным содержанием, имеющее такое начало или конец, случайны. Но все эти предметы есть предметы для Я, способные быть схваченными или схваченными [Erfassbarkeiten oder Erfasstheiten] Я, которое не является предметом в том же смысле, как все другие предметы, о которых только что шла речь, и которые как индивидуальные данные во временном потоке Я были названы случайностями. В любом случае Я есть только постольку, поскольку оно для самого себя может стать предметом; также и Я является для самого себя актуальным и потенциальным предметом. Но оно все-таки является субъектом, для него все иное имманентное является объектом и одновременно оно само для себя является объектом, притом, что оно обнаруживает самого себя как имманентный предмет в форме имманентного времени. В качестве субъекта для всех своих объектов оно характеризуется не случайностью, а необходимостью.

К сущности чистой сферы внутреннего или чистого потока сознания принадлежит то, что в нем все, как было сказано выше, может

---

⁶ Манера говорить (фр.) — Прим. пер.

сменяться в рамках формального закона наполненного имманентного времени, за исключением Я. Это необходимая имманентная индивидуальность; сменяются предметы и сменяются аффицирования, обращенности и т. д., которые исходят из Я или к нему направлены, так сменяется то, что как раз и может сменяться. Сущность конкретной имманенции и ее необходимости оставляют открытой такую смену, которая следует как раз из этой обращенности, является «случайным» событием, в рамках сущностной формы индивидуального, то есть случайного. Но хоть мы и можем здесь всякий раз сказать «индивидуальное, то есть случайное», это как раз не так в случае Я. Оно сохраняется иначе, но оно является необходимым индивидуумом и единственным таковым. За этим исключением необходимо только то, что вообще есть индивидуумы и индивидуальные случаи, и то, что они наполняют время.

Если мы возвращаемся к исходно конституирующему потоку жизни, то он обладает сущностной структурой, в соответствии с которой в непрерывном прото-возникновении и прекращении появляются сенсуальные прото-впечатления, со случайным (ограниченным только посредством формальных законов) содержанием. В единстве и коррелятивно с этим единственное прото-Я присущее потоку, не является случайно возникающим как объективные данные, а с необходимостью присутствует там в качестве численности единственного полюса-субъекта аффицирования Я и модусов поведения Я, которые в свою очередь вновь подлежат конституированию временной предметности. Так, конституированным, временным образом возникающим и прекращающимся модусам поведения присуще Я, постоянно и необходимо проходящее сквозь все имманентное время, тождественное, которое всегда вновь может аффицировать и стать темой временных обращений. Так, имманентное бытие в форме имманентного времени проявляется в качестве так оформленного, что основной ряд случайных «объектов» наполняет это время, а на нем и другой ряд темпорально длящихся предметов как раз соотносен с аффицированиями, обращениями, занятием позиции, короче говоря: с модусами поведения Я, которые обладают необходимым единством в «вечном» Я, во всевременном индивидууме, который посредством этих модусов поведения соотносится со всеми предметами, может также соотноситься со своими модусами поведения и с самим собой, и обнаруживает себя самого во времени, и таким образом сам является временным предметом.

Но дело обстоит не так, что временной предмет вообще является исключительным по отношению ко всем остальным, с совершенно осо-

бенными свойствами и при этом с другими универсальными отношениями ко всем другим временным объектам. Следует обратить внимание на то, что пока всякий имманентный «объект» является для субъекта прямо воспринимаемым, <обладает> своим Теперь-бытием и во всяком новом Теперь [обладает] тем или иным бытием [So-und-so-Sein], так или иначе посредством дления простирающимся [Sich-so-und-so-durch-die-Zeit-dauernd-Erstrecken], Я может быть схвачено только рефлексивно и только ретроактивно. В качестве живого, Я осуществляет акты и обладает опытом аффицирований, акты и аффицирования, которые сами вступают во время и простираются, дльсь посредством него. Но живая точка-источник этого вступления и вместе с тем живая бытийная точка, с которой Я само вступает в субъективное отношения с временным и само становится временным и дльщимся, является принципиально никогда не воспринимаемой напрямую. Только <в> рефлексии, которая является ретроактивной, и только как граница протекающего во временном потоке, Я доступно схватыванию, <а именно> для самого себя как схватывающего и доступного схватыванию изначального Я. Исходно живое Я есть устойчивый и абсолютно необходимый коррелят всех объектов, оно является, поскольку относится к ним как аффицированное или обращенное на них, и посредством этого по его сущностным законам из него исходят новые серии временных событий, посредством которых оно может стать для самого себя рефлексивным временным предметом. Его бытие является, однако, совсем иным, чем у всех объектов. Это как раз бытие субъекта, и в качестве такового <оно обладает своим способом> жить в парящей над всем временным прото-жизни, жизни, которая, однако, тотчас вступает во временность и обеспечивает самому Я как полюсу-субъекту его переживаний во времени положение во времени и, вторичным образом, длительность во времени.

Вероятно, можно также сказать так: всякий акт Я является новым содержанием, и все акты Я обладают своеобразным единством, без того, чтобы они подразумевали некое «содержание». Точка тождества всех актов (и аффицирований), которые соразмерно предметам соотносятся с <ними>, будучи протяженными во времени (обладающие их собственной временной формой, которая, однако, накладывается на форму предметов объектов [Objektgegenstände]), придает всему этому субъективному единство. [Это единство] не является содержательным, то есть экстенсивным единством, а только обладает посредством тождества Я, в равной степени затрагивающим всякую временную точку, квази-временной протяженностью. Акт Я обладает экстенсивным бытием, в каждой новой

временной точке он представляет собой новый временной состав; все в поведении, в расположенности и т. д., то, что действительно наполняет время, это все время вновь индивидуально различенное, всегда другое от точки к точке. Но Я, которое ведет себя таким образом, тождественно; это в содержании нет ничего тождественного. Скажем, Я проживает свою исходную жизнь так, что оно является постоянно простирающимся во время переживанием все время нового содержания, но так, что тождественное создающее единство является лишенным содержания, но не субстратом, а субъектом жизни, который так или иначе ведет себя по отношению к объектам, к эгологически чуждому.

Перевод с немецкого Г. Чернавина

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

№ 14-15 Рукописей L:

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ОСНОВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Путь к публикации *рукописей группы L* (или *Бернаусских манускриптов* — по названию курортного посёлка Бернау в швабском Шварцвальде, где в зимние каникулы 1917/1918 уч. г. работал Гуссерль), посвящённых проблематике сознанию времени, был долгим. В 1927 г. Гуссерль предложил Роману Ингардену работать над подготовкой к их публикации, но это сотрудничество, к сожалению, не состоялось. Начиная с 1928 г. Ойген Финк готовил их к публикации, но, не завершил этот проект и в 1969 г., передал рукописи группы L Архиву Гуссерля в бельгийском Лёвене. *Рукописи L* были опубликованы только в 2001 г. под редакцией Рудольфа Бернета и Дитера Ломара как XXXIII том *Гуссерлианы*.⁷

В данном переводе целиком воспроизводится самый компактный раздел XXXIII тома собрания сочинений Гуссерля (Раздел IV). Он состоит только из двух текстов: № 14 «*Мой поток переживаний и Я*» и № 15 «*Временные отношения чистого Я*» (рукописей *L I 20* и *L I 17*). Название раздела IV «*Эгологическая и гилетическая временность в генетической перспективе*», предложенное издателями, кажется

---

⁷ В отечественный философский оборот эти рукописи были включены в кандидатской диссертации М. А. Белоусова «*Время и возможность опыта: Кант, Гуссерль, Хайдеггер*» (М., РГГУ, 2008).

ся достаточно адекватным содержанию текстов: проблеме участия Я в потоке сознания и проблеме пассивного гилетического слоя конституирования времени.

Развёрнутый комментарий текстов № 14-15 читатель может найти в исследованиях Рональда Бружины (1993)⁸, Александра Шнелля (2004)⁹ и Стефано Финетти (2011).¹⁰ А. Шнелль в своей трактовке этих текстов опирается на различие между точками прото-присутствия и точками полного присутствия, а также между активной и пассивной интенциональностью, при этом анализ текста №14 оказывается кульминационной точкой его книги *«Время и феномен. Феноменология времени Гуссерля (1893–1918)»*. Р. Бружина сосредотачивает своё внимание на редакторской работе Ойгена Финка с рукописями группы L. Он подчёркивает, что с точки зрения Ойгена Финка рукопись L I 20 (№ 14) представляет собой *высшую точку* анализа времени у Гуссерля: не заключение или окончательный вывод анализа сознания времени, а скорее момент максимальной открытости к его дальнейшей радикализации.¹¹ Эту же линию интерпретации продолжает и С. Финетти, который видит в *Редукции к временности исходной, неэгологической сенсуальности* (№ 14, § 1) прообраз «ме-онтической» редукции, разрабатываемой Финком в VI *Картезианской медитации* — прообраз перехода от конституированного сущего к трансцендентальному наблюдателю, который не является сущим в собственном смысле этого слова.

НОВАЦИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В первую очередь теоретического комментария заслуживает № 14, § 2, где буквально в рамках одного абзаца ставятся три фундаментальных для феноменологического проекта проблемы.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, как Гуссерль строит

---

⁸ *Bruzina R.* The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts // Status Questionis. Freiburg, 1928–1930. Alter, 1, 1993; 5.1.2. Stage 1: Fink's First Revision Plan for the Bernau Manuscripts. P. 262-265 // *Bruzina R.* Edmund Husserl and Eugen Fink. 1928–1938 // *Beginnings and Ends in Phenomenology*. New Haven: Yale University Press, 2004.

⁹ Section C, § 10: L'analyse de la temporalité pré-immanente aux confins du champ phénoménologique: l'intentionnalité «active» et l'intentionnalité «passive» // *Schnell A.* Temps et Phénomène. La phénoménologie husserlienne du temps (1893–1918), coll. «Europæa Memoria» (diff. Vrin). Hildesheim, Olms, 2004.

¹⁰ *Finetti S.* L'épochè méontique chez Eugen Fink. 2. L'épochè méontique amorcée // *Annales de phénoménologie*. Paris, 2011. № 10.

¹¹ *Bruzina R.* The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts. P. 363.

свой анализ, изящно обыгрывая три понятия: *Gegenstand* — *Bestand* — *Urstand*. С его точки зрения, анализ сознания времени касается не временности того или иного предмета (*Gegenstand*) (вещи в объективном времени), а специфического времени конституирования предметности. Внимание исследователя переносится на гилетический состав (*Bestand*), участвующий в конституировании предметности, а также, что принципиально важно, на прото-состояние (*Urstand*) всякой предметности, из которого берёт своё начало временной процесс, а именно внимание переносится на жизнь чистого Я в потоке сознания.

Затем, отметим, что это Я рассматривается не как сущее в ряду других, а как контраст (*Gegenstück* — противоположность, букв. «противо-часть» или «сопряженная деталь») по отношению ко всему сущему. Впоследствии похожую идею *symbolon* — идею дополнительного, контрастирующего по отношению ко всему сущему элемента предложит О. Финк в работе *Игра как символ мира*.¹² Во многом из рассуждения Гуссерля о контрасте по отношению к любому предметному сущему берет начало философский проект Финка.

Ещё один принципиальный вопрос касается того, что это Я — прото-состояние всякой предметности, контраст по отношению ко всему сущему — оказывается *безымянным*, поскольку любое именование неадекватно объективировало бы его. Таким образом, отправной точкой здесь служит кульминационный момент *Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени* — § 36, где анализируя абсолютную субъективность как время-конституирующий поток, Гуссерль констатирует: «Для всего этого нам не хватает названий».¹³

В целом, тематизация роли чистого Я и роли гиле во «временении» сознания, которой посвящены тексты № 14-15, — это именно та линия исследования, которую Гуссерль продолжит в рукописях 30-х годов о конституировании времени (в рукописях группы C¹⁴). В этом отношении, рукописи группы L открывают в равной мере путь как интерпретации О. Финка, так и поздней феноменологии времени Гуссерля.

---

¹² *Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart, 1960.*

¹³ *Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. и предисл. В. И. Молчанова. М., 1994. С. 79.*

¹⁴ *Husserl E. Späte Texte über Zeitkonstitution (1929–1934) // Die C-Manuskripte. Husserliana: Materialien VIII / hrsg. D. Lohmar. Dordrecht: Springer, 2006.*

СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Столкнувшись с необходимостью различать *ursprünglich*, *urtümlich*, *primär* и *originär* (хотя они часто и являются синонимами) мы закрепили за ними соответственно: *исходно*, *первозданно*, *первично*, *изначально*. Это конвенциональное решение, позволяющее читателю понимать, каким из немецких наречий (или соответствующих прилагательных) пользуется Гуссерль в том или ином случае.

Не совсем ясно было, как поступать с понятиями, которые в русском языке используются только в единственном числе, если Гуссерль употребляет их во множественном числе: например, как поступать с такими неблагозвучным во множественном числе субстантивами как «прошлые (*Vergangenheiten*)», «настоящие (*Gegenwarten*)», «присутствия (*Präsenzen*)»? Решая эту проблему нехарактерного множественного числа, мы, там, где это не искажало смысла, вводили дополнительный субстантив во множественном числе, например: «[моменты] присутствия (*Präsenzen*)».

Сложность составила необходимость отличать при переводе: *strömen* от *fließen*; *Präsenz* от *Anwesenheit*; *Wandlung* от *Modifikation*; *entspringen* от *auftreten*; Также возникал вопрос, как переводить *Datum* в единственном числе, и если его переводить как «данное», то как его отличать от «*gegebene*»? В этих ситуациях мы давали исходный немецкий термин в квадратных скобках.

Приведём краткий глоссарий:

	a.	
<i>originär</i>		изначально
<i>primär</i>		первично
<i>ursprünglich</i>		исходно
<i>urtümlich</i>		первозданно, первобытно
	b.	
<i>Gegenwarten</i>		[моменты] настоящего
<i>Vergangenheiten</i>		[моменты] прошлого
<i>Präsenzen</i>		[моменты] присутствия
<i>Zuwendungen</i>		обращения
	c.	
<i>Anwesenheit, Präsenz</i>		присутствие
<i>Auffassung, Erfassen</i>		схватывание, выхватывание

<i>Gegebene, Datum</i>	данное
<i>Modifikation,</i> <i>Wandlung</i>	модификация
<i>entspringen, auftreten</i>	возникать
<i>strömen, fließen</i>	течь

Прочее:

<i>fungieren</i>	фунгировать
<i>hinenströmen</i>	втекать
<i>verströmen</i>	протекать
<i>leibhaft</i>	во плоти
<i>zeitlicher</i>	временной
<i>Abklingen</i>	стихание, угасание
<i>Anschaulichkeit</i>	наглядность
<i>Deckung</i>	покрытие, наложение, совмещение
<i>Irritabilität</i>	раздражимость
<i>seelische Innerlichkeit</i>	сфера внутреннего
<i>sinnliche Gefühle</i>	чувства
<i>Leistung</i>	свершение, действие
<i>Nachgeben</i>	инертность
<i>Reize</i>	раздражения
<i>Sesualität</i>	сенсуальность
<i>Triebe</i>	чувственные влечения
<i>Verhaltensweisen</i>	модусы поведения
<i>über-hyletische</i>	сверх-гилетическое
<i>Urgenesis</i>	прото-генезис
<i>Zeitlichkeit</i>	временность
<i>Zuständlichsein</i>	расположенность